

Т. Л. Капинус

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Критические статьи Андрея Белого 1903–1905 гг. как неомифологические тексты русского символизма

Капинус Т. Л. Критичні статті Андрія Белого 1903–1905 рр. як неоміфологічні тексти російського символізму. У статті досліджується неоміфологічний аспект критичної прози раннього Андрія Белого. Доводиться, що міф про особистість є структуротворчим у критиці 1903–1904 рр. Особистість у статтях Белого представлена як становлення, відповідно її внутрішній шлях формує сюжет міфу. Основні мотивні комплекси критичної прози співвідносяться із триетапною сюжетною структурою персоналістичного міфу. У статті виявляються особливості неоміфологічних символістських текстів, властиві критиці Белого: співвідношення плану втілення і плану змісту, множинність міфів-шифрів, що інтерпретують статті, тощо. Робиться висновок про новий тип критики, що виникає на межі століть.

Ключові слова: *неоміфологізм, критична проза, міф про особистість, міфи-шифри, мотив, символізм.*

Капинус Т. Л. Критические статьи Андрея Белого 1903–1905 гг. как неомифологические тексты русского символизма. В статье исследуется неомифологический аспект критической прозы раннего Андрея Белого. Доказывается, что миф о личности является структурообразующим в критике 1903–1904 гг. Личность в статьях Белого представлена как становление, соответственно сюжетом мифа является преодолеваемый ею внутренний путь. Основные мотивные комплексы критической прозы соотносятся с трехэтапной сюжетной структурой персоналистического мифа. В статье выявляются особенности «неомифологических» символистских текстов, присущие критике Белого: соотношение плана выражения и плана содержания, множественность мифов-шифров, интерпретирующих статьи и т.д. Делается вывод о новом типе критики, возникающем на рубеже веков.

Ключевые слова: *неомифологизм, критическая проза, миф о личности, мифы-шифры, мотив, символизм.*

Kapinus Tetiana L. The critical articles by Andrei Bely of 1903–1905 as neomythological texts of the Russian symbolism. The neomythological aspect of the critical prose by early Andrei Bely is researched at the current article. It is proved that the myth of the personality is a structure-formed one in the criticism of 1903–1904. The personality in Bely's articles is presented as a formation and its internal path forms a plot of the myth. The basic complexes of motifs of the critical prose are correlated with a three-unit structure of the personalistic myth. The features of the neomythological symbolist texts that are inherent in Bely's criticism are revealed in the article. The critical prose has a special correlation between the mode of expression and the mode of content, the set of myths interpreting the articles, etc. It is concluded that Bely's critical prose is a new kind of criticism appeared on the turn of the century.

Key words: *neomythologism, critical prose, myth of the personality, myths-codes, motif, symbolism.*

Возникновение неомифологизма как культурного явления XX века связано, в первую очередь, с творчеством русских символистов. Специфическая ориентация на миф, характерная для прозы и поэзии Д. Мережковского, Ф. Сологуба, А. Белого, Вяч. Иванова и других представителей как старшего, так и младшего символистского «крыла», рассмотрена З. Г. Минц [7]. Внимание исследователя сконцентрировано на художественных текстах, в первую очередь, романах, поэтому вопрос о том, применимы ли выводы З. Г. Минц к критическому творчеству русских символистов, остается открытым. К проблеме мифа как смыслообразующего начала в «нехудожественных» текстах молодого Белого ранее обращался А. В. Лавров [6], однако главным объектом внимания ученого были не статьи, сколько парадигма жизни и творчества первой половины 900-х в целом, включая даже письма. Между тем представляет интерес, что в работе В. Н. Крылова, посвященной символистской критике, неомифологизм указывается в числе перспективных аспектов в изучении поэтики критических статей [5:4–5]; но в силу обобщающей направленности исследования конкретного анализа «неомифологической» природы статей того или иного автора не предполагается. Нам представляется плодотворной попытка рассмотрения критической прозы А. Белого первой половины 900-х гг. сквозь призму концепции символистских «текстов-мифов».

Программные статьи, написанные Белым в 1903 г. («О теургии», «Символизм как миропонимание»), помимо общей теоретической проблематики, имплицитно и особый мифологический нарратив, формирующий сюжетную структуру поэтизированных фрагментов текста. В основе сюжета этих статей нам представляется особенно важным тот внутренний путь, который преодолевает самосознающая личность художника. Окончательной целью пути для Белого является преображение – появление Богочеловека, что является результатом обожествления личности [4:251]. Проблема богочеловечества в критике 1903 г. снимает оппозицию между индивидуальным и

универсальным, поэтому в персоналистический миф интегрируется миф об эволюции всего человечества. «Исторический процесс, по Гартману, не бесцелен, – пишет Белый. – Его цель – обнаружение всеединого духа. Ницше выдвигает целью исторической эволюции проявление *всеединой личности, сверхчеловека. Вопрос же о проявлении в личности всеединого духа указывает истории путь к богочеловечеству*» [4:245].

Характерное для Белого понимание личности как становления, подобного историческому процессу, обуславливает некоторые особенности хронотопа статей. Пространственная организация критической прозы имеет трехчленную структуру, основанную на выделении Белым так называемых «зон» («зон понимания», «стадий понимания»). Как отмечает З. Г. Минц, организация мифологического нарратива в текстах русских символистов подчиняется восходящему к Вл. С. Соловьеву представлению о трехэтапности всякого развития [7]. Три зоны в критической прозе Белого маркируют основные стадии внутреннего пути: 1) кризис рациональности, 2) борьба с хаосом, открывшемся в глубинах бессознательного, 3) организация хаоса и преображение личности. Таким образом, миф о личности, подобно «миру-мифу», имеет сюжетную структуру, основанную на законе «триады» (Гегеля – Шеллинга – Соловьева), где первый этап – теза, экспозиция сюжета личностного развития, второй – антитеза, коллизии персоналистического мифа, третий – синтез, кульминация и развязка. Стоит также отметить, что в статье «Символизм как миропонимание» критик устанавливает связь между данной мифопоэтической структурой и вопросами символистской теории: наличие «зон», согласно Белому, является признаком символизма как такового («Ницшеанство, как **всякое учение** с выходами в **символизм**, имеет несколько зон понимания» [4:250]).

Таким образом, реализация символизма как миропонимания и как утопического в сущности своей проекта становится возможным лишь посредством мифотворчества. В 1903 г. Белый еще не теоретизирует о проблеме мифа, хотя в поэтике его статей неомифологическая составляющая является одной из ключевых.

Итак, на визуальном уровне миф о становлении личности представлен как мифологема пути. Первый этап внутреннего пути – стадия пессимизма, ощущение глобального аксиологического кризиса, сокрушения привычных устоев, – у Белого, как правило, наиболее лапидарный, так как рассматривается он скорее в качестве исходной позиции, с которой начинается внутренний путь. Для этого этапа характерна оппозиция спящие (сонные) / пробудившиеся. Белый подчеркивает элитарность, эзотеричность пути – тех, кто «проснулся» и осознал возможность новых путей совсем немного.

Переход ко второму этапу сюжета реализуется посредством мотива бездны, внезапно открывшейся перед человеком. В статье «Символизм как миропонимание» второй этап назван «стадией трагизма», в статье «О теургии» – «зоной хаоса». При описании этой стадии логико-понятийный дискурс сменяется образным. С зоной хаоса соотносится определенный комплекс мотивов, которые в разнообразных вариациях присутствуют во многих статьях периода 1903–1905 гг. Все эти мотивы имеют семантику катастрофичности: мотив глубины, ужаса, чудовищ, крика или рева, мутных волн. Как правило, в этот комплекс входит мотив сокрытия или обмана, вариантом которого являются мотив маски и масочности и мотив занавешивания окна. Хаос в понимании Белого – промежуточная стадия внутреннего пути, которую необходимо пройти, чтобы не остаться в плену ужаса и безысходности. «Тем, кто не может идти все вперед и вперед, нельзя проникать дальше известных пределов, – пишет Белый в статье «О теургии». – В результате – ощущение нуменального греха, странная тяжесть, переходящая в ужас. Прозрения вместо окрыления начинают жечь того, кто не может изменить себя» [3:112]. С зоной хаоса Белый последовательно связывает творчество того или иного писателя или поэта (в данном случае, М. Ю. Лермонтова), тем самым включая его в систему собственных мифопоэтических представлений. Миссия искусства и истинного художника – быть проводником на пути становления личности, в соответствии с этим Белый рецензирует творчество композитора Н. К. Метнера в статье «О теургии»: «Прислушиваясь к тому, что звучит нам в произведениях г. Метнера, мы невольно разбираемся в наших чувствах, пользуясь идеями композитора, как своего рода духовным руководством. Такая интенсивность в выражении грядущих к нам идей есть признак глубокого и самобытного таланта; и мы невольно приветствуем появление новой звезды в русском музыкальном мире» [3:114–115]. Миф о личности, переплетающийся с мифом об искусстве, оказывается шифром-кодом, проясняющим смысл специфической рецепции объектов критической прозы. Согласно З. Г. Минц, наличие такого кода является признаком неомифологических текстов [7].

Третий этап пути «личности-мифа» в статье «Символизм как миропонимание» назван стадией теургизма. Важнейшую роль в переходе к этой «зоне» мифопоэтического пространства играет

мифологема Вечной Женственности. Соответственно, поэзия Вл. Соловьева рассматривается Белым как пример победы космоса над хаосом и, таким образом, включается в заключительный этап личностного мифа («Какая радость звучит в нижеследующих строчках одного из стихотворений Соловьева, начинающего видеть, как отступают мутные волны, как побежденный хаос просветляется, и визг метели уже звучит не криками злобы, а первыми февральскими, священными, весенними славословиями Вечности» [3:119]). София в статьях Белого выступает в первую очередь как портал в высший мир, не зря одной из ее ипостасей у символистов является Дева Радужных Ворот. Вечная Женственность сопровождается символами окна или двери («Необыкновенно характерно ощущение, сопровождающее это прохождение в дверь, как бы сквозь Ту, Которую Соловьев определяет гностическим термином: *«Дева Радужных Ворот»*. Это наступление необычайного могущества») [3:122]. Пространственный континуум зоны космоса представляет собой неизведанное воздушное пространство, в связи с чем актуализируется мотив полета, вариации которого – мотивы неба, открытости, ласточки.

Таким образом, заключительный этап мифа о внутреннем пути визуально представляется как прохождение по воздуху в небо («...этот путь ведет прямо в небо через воздушно голубое пространство – голубое, мировое» [3:120]). Такое представление символизирует, с одной стороны, полное отсутствие каких-либо рациональных оснований, земной опоры и, с другой стороны, появление новых, доселе неизведанных возможностей. В мотивный комплект третьего этапа персоналистического мифа входят мотивы радости, мягкости, легкости, мотив перерождения или обновления и близкий к нему мотив детей, а также мотив острова, символизирующий целостность личности, приблизившейся к Абсолюту. Таким образом, в статьях 1903 г. персоналистический миф является структурообразующим; ему подчиняется мотивно-образная система и пространственная организация статей.

В критической прозе Белого с помощью мифологеми пути конституируется даже такой жанр, как лирическая рецензия. Так, в рецензии на недавно переведенную «Драму жизни» К. Гамсуна совмещение трагизма и теургизма изначально задается критиком в качестве атрибута эстетически значимого для символистов художественного произведения. Поэтому Г. Ибсен, в творчестве которого, согласно Белому, отсутствует это соединение, уступает К. Гамсуну («...того, что звучит нам в балладе Грига, что видится в «Пане» (роман Гамсуна), – Ибсен дать не может: в нем нет совмещения высочайшего напряжения с вечным покоем, бурного трагизма с тихой радостью, радостью как бы сквозь сон») [1:170]. «Высочайшее напряжение» и «бурный трагизм» характеризуют зону хаоса, «тихая радость» сигнализирует о теургизме.

В рецензии не только герои Ибсена и Гамсуна рассматриваются сквозь призму мифа о пути: в текст вкрапляются импрессионистические фрагменты авторской речи, содержанием которых является миф о личности: «Падает ласковый снег... Останавливаешься. Закрываешь глаза. Пусть весь мир пронесется, умчится – мягко, мягко. И это настроение провожает **сквозь ужасы в ласковую тишину**. А ужасов не мало. Плещутся оргийные волны жизни... Сумеречные тени рвутся со всех сторон и грозят вечным концом... Белесоватое сияние едва мерцает... Сквозь ураган к неподвижному северному сиянию» [1:171]. Мотивы бури, ужаса, теней относятся к зоне хаоса, которую необходимо преодолеть. Северное сияние, в данном случае, замещает солнце, а мотивы мягкости и ласковости сигнализируют о моменте преодоления катастрофичности трагизма.

Внутри основополагающего мифа могут возникать и другие мифологеми. В частности, в некоторых статьях и письмах А. Белого возникают мифологеми, связанные с фигурой Ф. Ницше: Ницше как апокалипсическая «звезда» (вариант – метеор), Ницше как пионер воздухоплавания и Ницше как духовный руководитель, белый старец. В первом случае появление мифологеми – результат интерпретации «дионисийства» Ницше сквозь призму апокалипсического мифа. Открытие духа Диониса как бездны в статьях Белого коррелирует со знаменем Апокалипсиса: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладези бездны: она отворила кладезь бездны» (Откр. IX, 1, 2). Дионисийство коррелирует с зоной хаоса, само название «стадия трагизма» отсылает к работе Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки».

При этом сама фигура Ницше рассматривается Белым не только в соотношении с зоной хаоса, но как попытка преодолеть его. На это указывает наличие мотивов легкости, мягкой грусти, отступления бури: «Но если не опустить глаза перед Ницше и выдержать первоначальную жуткость образов, неожиданный, освежающий ветерок – ласково-бархатный, грустно-мягкий – обвеивает робкой надеждой. Рев хаоса слагается в бархат вкрадчивой песни. То, что ужасало, грозило сжечь огнем, закидать обломками, затопить лавой, оказывается только стороной прошедшей грозой» [4:251]. По Белому, Ницше прошел вторую стадию пути, но в прохождении третьей – «воздушной» стадии –

потерпел неудачу. Так появляется мифологема Ницше-Лилиенталя, пионера воздухоплавания, погибшего во время полета.

Мифологема духовного руководителя, с которой соотносится Ницше, представлена в статье «Маска», один из разделов которой имеет соответствующий заголовок – «Фридрих Ницше». Здесь, как и в «Символизме как миропонимании», отчетливо проступают две стадии пути, при этом в заключительной, наряду с вышеназванными мотивами ребенка, покоя, радости, следует отметить мотив обретения нового лика, что соответствует преобразению в теургической концепции («Сквозь трагический лик его, разорванный в клочки, выступает новый лик, обретенный навеки – лик ребенка, успокоенного на том берегу, – лик, глядящий на нас с улыбкой мягкой грусти» [2:10–11]). Несмотря на то, что в данной публикации Белый ни разу не упоминает слова «теургия», миф о конце искусства продолжает функционировать. Поэты, художники, композиторы – те немногие, кому доступно созерцание бездн [2:10]. Однако, по Белому, одного изображения образов, пришедших из неизведанных глубин духа, недостаточно, от художника требуется пройти весь путь становления личности, который составляет основу персоналистического мифа. Художник, решившийся на такое путешествие, уже перестает быть просто художником, становясь духовным руководителем. В мифологеме духовного руководителя, ранним вариантом которой является мифологема теурга, опосредовано постулируемое младосимволистами слияние искусства с жизнью: «Искусство перестает удовлетворять. Вместо бездонных образов душа просит бездонной жизни» [2:10].

Статьи 1905 г., большинство из которых впоследствии вошли в сборники «Символизм» и «Луг зеленый», структурируются в первую очередь уже не персоналистическим, а космологическим мифом Вл. Соловьева. Наиболее показательным примером является статья «Луг зеленый», в которой сконцентрированы все характерные признаки неомифологических текстов русского символизма.

«Зеленый луг», символизирующий здесь космическую гармонию, является и начальной, и конечной точкой эволюции. Россия – первозданный зеленый луг, находится в плену механистической городской цивилизации и нуждается в освобождении. Современная цивилизация машин – промежуточная стадия развития мира – соотносима с зоной хаоса в мифе о личности. Функцией искусства в таком случае является напоминание о мировой гармонии и о возможности снова ее обрести. В таком ключе Белый описывает в данной статье выступление Айседоры Дункан, которое состоялось в январе 1905 г.: «И она вышла, легкая, радостная, с детским лицом. И я понял, что она – о несказанном. В ее улыбке была заря. В движениях тела – аромат зеленого луга. <...> Да, светила она, светила именем, обретенным навеки, являя под маской античной Греции образ нашей будущей жизни – жизни счастливого человечества, предавшегося тихим пляскам на зеленых лугах» [4:330]. Характерно, что в описании зеленого луга, который просматривается сквозь хореографическое представление, фигурируют те же мотивы, что и в стадии теургизма: мотивы легкости, детскости, радости.

Статья «Луг зеленый» обладает еще одной характерной особенностью неомифологических текстов: множественностью мифов-шифров. Помимо центрального «мира-мифа» в данной работе апокалипсический (Зверь и Жена), античный (Орфей и Эвридика, дионисийские пляски), фольклорный (Змей Горыныч и царевна), историософский (Россия и Запад). Литературные тексты в критике Белого также обретают статус мифов и рассматриваются наряду с другими. В статье «Луг зеленый» таким мифом является повесть Н. В. Гоголя «Страшная месть». Его герои, пани Катерина и колдун, также проецируются на центральный космологический миф. В результате взаимодействия различных кодов, которые сопоставляются по ассоциативному признаку, возникает мотивно-образная система статьи. Белый создает ряды символов: спящая пани Катерина – спящая Россия – зеленый луг – Мировая Душа – Жена, облеченная в солнце; «казак в красном жупане» – урбанистическая цивилизация – Змей Горыныч – апокалипсический Дракон. В статье «Апокалипсис в русской поэзии» к этим рядам добавляется еще один миф – Брунгильда и охраняющий ее дракон Фафнер. Однако мифом-инвариантом по-прежнему является борьба Хаоса и Космоса за Мировую Душу. Таким образом, окончательная гармонизация мира рассматривается сквозь призму эсхатологии.

Как отмечает З. Г. Минц, в неомифологических текстах план выражения «задается картинками современной или исторической жизни или историей лирического «я», а план содержания образует соотношение изображаемого с мифом». [7]. Историческая реальность начала XX в. достаточно часто фигурирует в статьях Белого: русско-японская война, падение Порт-Артура, гибель пионера воздухоплавания Лилиенталя, обретение мощей св. Серафима, рождение наследника престола, гастроли Айседоры Дункан, не говоря уже об издании или переводах значимых литературных произведений. Однако в отличие от традиционных журнальных статей и рецензий, в критической

прозе А. Белого изображение и анализ событий и явлений (не важно, текущей жизни или литературного процесса) является не целью, а средством или «планом выражения» (здесь уместно вспомнить высказывание критика в статье «Символизм как миропонимание»: «Не событиями захвачено все существо человека, а *символами иного*» [4:246]). Содержанием же оказываются не последствия событий, не актуальные проблемы, имеющие к ним отношение, и даже не авторская точка зрения, а космологический или персоналистический миф. Для критика важнее не описать концерт певицы М. Олениной-д'Альгейм, а включить его в миф о внутреннем пути; рождение царевича интересует не само по себе, а в качестве одного из эпизодов «сюжета» развития мира.

Соотнесение с мифом, выявление в любом рассматриваемом художественном тексте мифологической основы – одна из основных особенностей метода Белого-критика. В статье 1905 г. «Апокалипсис в русской поэзии» эсхатологический (в данном случае, апокалипсический) миф является основным структурообразующим фактором. Обзор творчества классиков русской литературы и современных поэтов как таковой для Белого не имеет самостоятельной ценности, поэтому он мифологизирует литературный процесс XIX – начала XX вв. Критик включает наиболее значимые, на его взгляд, тексты в определенную «схему», «конфигурацию», сущность которой составляет апокалипсический и космологический миф. С помощью апокалипсического мифа Белый по-своему интерпретирует творчество А. Пушкина, Ф. Тютчева, Ф. Достоевского, В. Брюсова и других представителей русской словесности: миф объясняет те или иные особенности их текстов, но и сами тексты в то же самое время объясняют миф. Такое двойное объяснение, чередование плана выражения и плана содержания, согласно З. Г. Минц, также является особенностью неомифологических текстов.

Таким образом, критическая проза наряду с художественными произведениями может быть включена в группу неомифологических символистских текстов. Неомифологическая критика является новым типом критики, возникшим на рубеже веков, поэтика которого сближает его с поэтикой текстов художественной литературы.

Литература

1. Белый А. Кнут Гамсун. Драма жизни / Андрей Белый // Новый путь. — 1903. — № 2. — С. 170—172.
2. Белый А. Маска / Андрей Белый // Весы. — 1904 г. — № 6. — С. 6—15.
3. Белый А. О теургии / Андрей Белый // Новый путь. — 1903. — № 9. — С. 100—123.
4. Белый А. Символизм как миропонимание / Андрей Белый, Л. А. Сугай. — М. : Республика, 1994. — 528 с. — (Мыслители XX в.).
5. Крылов В. Н. Русская символистская критика (1890—1910-е гг.) : генезис, типология, жанровая поэтика : автореф. дис. на соискание ученой степени доктора филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Крылов Вячеслав Николаевич. — Казань, 2007. — 43 с.
6. Лавров А. В. Мифотворчество «аргонавтов» / А. В. Лавров // Миф — Фольклор — Литература / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). — Л., 1978. — С. 137—170.
7. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов [Электронный документ] / Минц З. Г. // Блок и русский символизм : Избранные труды : в 3 кн. Кн. 3 : Поэтика русского символизма. — СПб., 2004. — С. 59—96. — Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/mints/papers/neomifologich.html>.